

КРЕМЛЬ - 9

Газета Федеральной службы охраны Российской Федерации

70 лет назад, 20 июля 1955 г. состоялось открытие Московского Кремля для свободного посещения

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ И ЕГО КОМЕНДАТУРА ВО ВРЕМЕНА «ОТТЕПЕЛИ»

С середины 1950-х гг. в общественно-политической и культурной жизни СССР наступило десятилетие перемен. Оно получило название «оттепель». Среди ее первых веяний стало открытие свободного доступа в Московский Кремль.

Посетители Кремля у Царь-пушки. Фото начала XX в.

Если обратиться к истории вопроса, то в начале XX века зайти в Кремль мог любой желающий. Проходили туда обычно через Спасские ворота, поклонившись иконе Спасителя. Однако на самой территории имелись зоны, куда вход был запрещен или ограничен (Большой Кремлевский дворец, места проживания чиновников, монастыри и др.) После Февральской революции (1917), при Временном правительстве, ряд российских деятелей культуры (архитектор Р.И. Клейн, искусствовед И.Э. Грабарь и др.) подготовили проект

превращения этого ценнейшего историко-культурного памятника в «музейный город». Но их идея осталась на бумаге. В марте 1918 г. главная цитадель России становится резиденцией советского правительства. Здесь создается подразделение государственной охраны - Комендатура Московского Кремля. Вводится пропускной режим, и беспрепятственный проход за крепостные зубцы прекращается. Тем не менее, работники Наркомата просвещения отстояли возможность проведения тут экскурсий. В январе 1919 г. для организованных групп открыл двери Большой Кремлевский дворец (БКД).

Частично удалось подготовить для осмотра и музей «Оружейная палата».

В 1920-е гг., несмотря на пропускную систему, экскурсионная работа в Кремле продолжалась. С конца двадцатых степень его закрытости возрастает. Доступ экскурсантов сходит почти на нет. С 1934 года проход сюда разрешался только по пропускам Совнаркома или ВЦИК. В 1938 году Оружейная палата переходит в ведение Управления коменданта Московского Кремля (УКМК). Великая Отечественная война лишь ужесточила режимность объекта.

Подобная ситуация длилась до начала 1950-х гг. Она стала меняться, когда Советский Союз возглавил Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, наметивший курс на демократизацию общественной жизни и расширение международных связей. Образ замкнутой средневековой крепости, где находились высшие органы власти СССР, явно не вязался с новой политикой перемен.

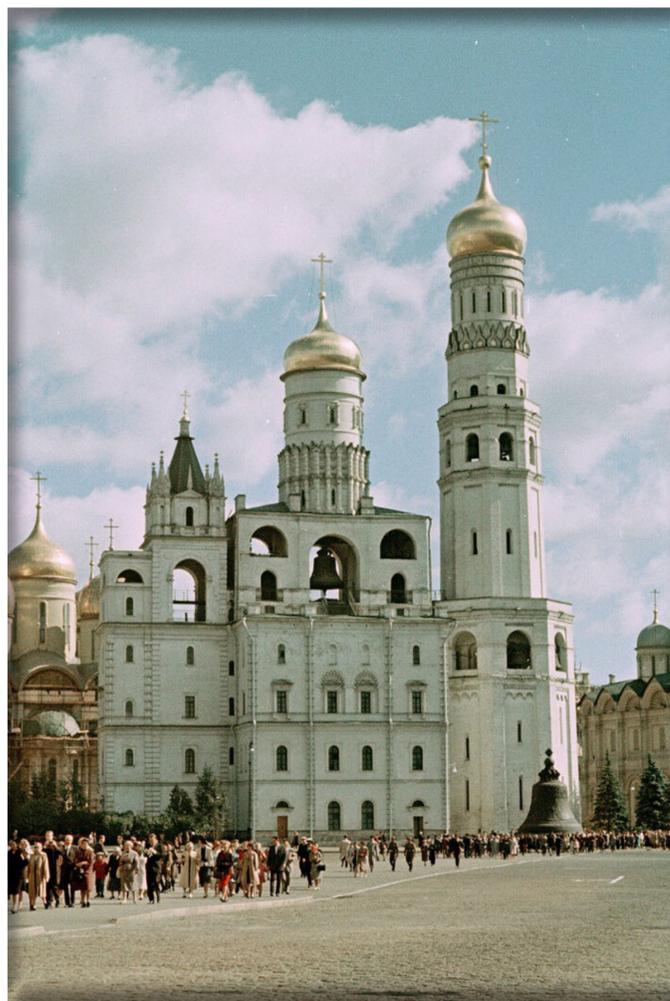
«Отгороженный от народа, Московский Кремль выглядел мрачно», - вспоминал генерал-лейтенант А.Я. Веденин, возглавивший УКМК 26 сентября 1953 г., - Тротуары и мостовые запущены. В садах и скверах преобладали темно-зеленые хвойные деревья». Глава Комендатуры сразу взялся за обновление ландшафтного дизайна. «Начали приводить в порядок тротуары, улицы, площади. Тую и ели, погрузившие дворцы и другие здания во мрак, стали заменять фруктовыми и декоративными деревьями».

Дети на празднике Новогодней елки в Георгиевском зале БКД. Январь 1961 г. Фото В. Егорова. Главархив Москвы

Приглашение на Кремлевский молодежный бал. 1954 г.

Посетители на фоне колокольни Иван Великий. Конец 1950-х гг.

Хрущев одобрил эти преобразования и дал коменданту концептуальное напутствие: «Помните, что Кремль не военный городок, где вы, товарищ генерал-лейтенант, начальник гарнизо-

Генерал-лейтенант А.Я. Веденин в своем рабочем кабинете. 1964 г.

на, а сердце столицы, сердце Родины».

Прелюдией к открытию «сердца столицы» стали проведенные здесь в январе 1954 г. новогодний детский праздник и бал молодежи. Поручение об их организации Веденин получил от Хрущева буквально накануне, в декабре 1953 г. Несмотря на сжатые сроки подготовки, мероприятия прошли прекрасно.

Наиболее ярким и разнообразным получился праздник у детей, попавших в волшебную атмосферу беломраморного Георгиевского зала БКД с наряженной, сияющей огнями елкой. Там развернулись основные торжества с выступлениями артистов. Ребятам также показали Успенский и Благовещенский соборы, Оружейную палату. В Тайницком саду устроили катания с горок и другие развлечения. Приглашенным достались и подарки от Деда Мороза - мандарины, конфеты, вафли, печенье. С тех пор детские елки и молодежные балы стали здесь традиционными.

Так молодежь проложила путь к открытию главной цитадели страны. Оно состоялось по решению Президиума ЦК КПСС 20 июля 1955 г. Отныне кремлевская территория разделилась на две основные зоны: доступную для свободного посещения (музейно-туристическую) и закрытую (охраняемую). Накануне комендантская служба провела подготовительные работы: обустроили пешеходные дорожки, усилили освещение, установили светофоры, информационные таблички, указатели переходов и т.д.

20 июля, как вспоминал Веденин: «Я встал раньше обычного - не спалось. Денек выдался на славу. Солнце заливало помолодевший Кремль. Блестели золотые купола соборов; гордо поднимались в голубое небо красавцы дворцы. Казалось, раздвинулись площади и тротуары. Древний Московский Кремль сиял и улыбался». В 9 часов утра, под бой курантов, к посетителям вышел комендант и пригласил всех начать осмотр. «Глубоко волнующие минуты. Сколько улыбающихся, восторженных лиц! Возгласы удивления, радости...», - такими запомнил те мгновения Андрей Яковлевич.

Фрагмент статьи из газеты «Вечерняя Москва» от 20 июля 1955 г. об открытии Московского Кремля. Архив газеты «Вечерняя Москва» за 1955 год. Библиотека им. Н.А. Некрасова

Кремлевский кабинет В.И. Ленина

В числе первых это историческое событие осветила газета «Вечерняя Москва». 20 июля она сообщила, что к 14 часам в Кремле уже побывали десятки тысяч человек. Среди них оказались и зарубежные гости. Ими стали финские лесорубы, делегация которых находилась тогда в столице.

Сохранился интересный архивный документ о том, как восприняли сотрудники Комендатуры открытие охраняемого ими объекта. Эти сведения содержатся в Протоколе общего партийного собрания Отдельного офицерского батальона УКМК. Оно прошло 9 августа 1955 г. и посвящалось данной теме. В документе отмечалось: «Открытие Кремля для свободного доступа трудящихся - акт огромного политического значения. Он кладет конец буржуазной клевете о железном занавесе, дает возможность труженикам города и

деревни нашей страны ознакомиться с историческими памятниками Кремля». Собрание определило основные направления работы в новой обстановке и выразило уверенность, что коммунисты батальона «успешно справятся с почетной и ответственной задачей по обеспечению безопасности руководителей партии и советского правительства в условиях свободного доступа трудящихся в Московский Кремль».

С 20 июля 1955 г. до середины апреля 1958 г. вход на кремлевскую территорию осуществлялся по билетам. Но они были бесплатными. Летом их выдавали в среднем за день 20–22 тысячи, зимой 8–10 тысяч. Эти данные приведены в записке, которую 18 апреля 1958 г. написали в ЦК КПСС руководители Москвы и генерал-лейтенант А.Я. Веденин.

Возрождается здесь и музейно-выставочная деятельность. Посещение

Военнослужащие Отдельного полка специального назначения изучают на макете расположение кремлевских зданий. Фото 1960-х гг.

экспозиций требовало приобретения уже платного билета. Так, осмотр Оружейной палаты и соборов стоил тогда 3 рубля (после денонминации 1961 г. - 30 копеек). Для справки: в 1955 г. средняя зарплата в СССР составляла 718 рублей (неденонмированных).

В год открытия Кремля там произошло еще одно знаменательное событие. 17 апреля 1955 г. в здании Совета Министров СССР (Сенатский дворец) начал работу новый мемориальный музей «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле». В этом месте удалось собрать крупнейшую коллекцию подлинных ленинских экспонатов. Она детально воссоздавала обстановку, в которой жил и работал государственный деятель России, изменивший историю XX столетия. С 1955 по 1994 гг. «Кабинет и квартиру» посетили св. 2 млн человек, в т. ч. представители 110 стран и почти все приезжавшие в Москву правительственные делегации. Поскольку в здании Правительства действовал пропускной режим, то для проведения экскурсии была необходима предварительная заявка. Востребованность оставалась высокой - посещения расписывались порой на год вперед.

Здесь внедрялись уникальные технологии защиты раритетов, реставрации мебели, граммофонных записей и др. Используемые тут звуковые пространства помогали эмоционально погрузиться в атмосферу тех лет. Велась работа по расширению выставочного фонда. Значимость места, подлинность

Так выглядел в 1957 г. билет на посещение Оружейной палаты и соборов Кремля

Генерал-лейтенант А.Я. Веденин во время посещения учебного центра в Новой Купавне. Середина 1960-х гг.

всех экспонатов и применяемые инновации создавали неповторимую ауру, которая придает особую ценность любой экспозиции. По мнению профессора Принстонского университета С. Коэна: «Ни одна страна не имела подобного столь полного и всестороннего музея своей политической истории».

Когда в 1960 году музей Кремля перешли в систему Минкультуры, «Кабинет и квартира» остались в ведении Комендатуры, став одним из культурных центров службы государственной охраны. Да и появилась эта уникальная экспозиция, прежде всего, благодаря инициативе и усилиям генерал-лейтенанта А.Я. Веденина. Он стал первым и пока единственным кремлевским комендантом, основавшим музей мирового значения. В 1990 году «Кабинет и квартира» вместе с памятниками Московского Кремля были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Так служба государственной охраны внесла вклад в расширение числа объектов культурного наследия.

5 ноября 1958 г. в корпусе № 14 открылся Кремлевский театр. Но помещения оказались не приспособлены для крупных зрелищных мероприятий, и он вскоре прекратил работу. В 1959-1961 гг. возле Троицкой башни по проекту архитектора М.В. Посохина возвели Дворец съездов. Ради нового объекта снесли ряд зданий XVIII-

XIX вв. (старая Оружейная палата, Канцелярия, Офицерский, Гренадерский, Кухонный и Синодальный корпуса).

5 февраля 1960 г. Оружейная палата и соборы Кремля из состава Комендатуры переходят в ведение Министерства культуры СССР. На их основе создается новое учреждение - Государственные музеи Московского Кремля.

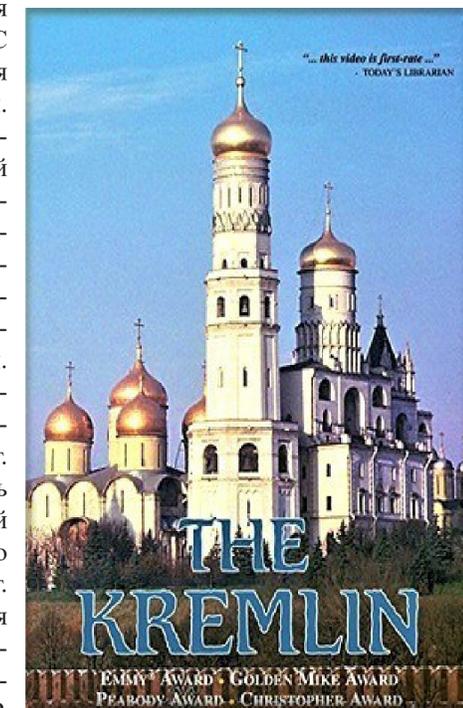
В ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 г. по решению XXII съезда КПСС тело И.В. Сталина вынесено из Мавзолея и перезахоронено у Кремлевской стены. В ноябре 1962 г. в квартиру на улице Грановского переехал последний житель Кремля - маршал К.Е. Ворошилов. Так в «сердце Москвы» завершается многовековая эпоха обитания горожан. Его территория становится нежилым административным и историко-культурным центром.

Это были основные вехи в летописи главной цитадели страны с 1955 по 1965 гг. Данное десятилетие ознаменовалось переменами и в системе кремлевской охраны. Они начались чуть раньше, со структурных реформ. 13 марта 1954 г. подразделения спецслужб выводятся из ведения МВД и объединяются в составе Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В качестве 10-го управления туда вошло и УКМК. В деятельности Комендатуры возрастают объемы хозяйствен-

ных задач. В частности, на нее возлагаются обслуживание и обеспечение кремлевских помещений Совмина и Президиума Верховного Совета СССР.

Туристическая активность, а также рост в Кремле числа мероприятий с присутствием руководителей партии и советского правительства (съезды, заседания, визиты глав зарубежных стран, приемы, концерты и т.д.) повысили сложность и интенсивность службы в 10-м управлении. При этом, его сотрудники обеспечивали безопасность первых лиц государства не только на своем объекте, но и привлекались к выполнению данной задачи в других местах.

Важным новшеством стало взаимодействие со средствами массовой информации, в т.ч. зарубежными. К примеру, осенью 1962 г. большие съемки в Кремле провела одна из крупнейших американских телерадиокомпаний NBC (National Broadcasting Company). По свидетельству Веденина, ее работники «были допущены буквально во все дворцы, храмы, терема и палаты». Доброжелательная и профессиональная поддержка службы охраны помогла «Эн-Би-си» создать замечательный телефильм. Он был

Заставка к фильму режиссера Питера Джарвиса «Кремль». 1963 г.

Получил премию «Эмми» в номинации «Выдающиеся достижения в области телевизионной съемки» (1964)

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микоян торжественно вручает орден Красного Знамени Отдельному полку специального назначения 8 мая 1965 г.

хорошо встречен зрителями США и получил премию «Эмми» в номинации «Выдающиеся достижения в области телевизионной съемки» (1964).

С середины 1950-х гг. улучшаются оснащение, мастерство и учебная база кремлевского гарнизона. Так, в Отдельный полк специального назначения (ОПСН) поступило более совершенное вооружение (автомат Калашникова, карабин Симонова, пистолет Макарова). По итогам проверки боевой и политической подготовки за 1955 год ОПСН впервые получил общую оценку «отлично». Такому достижению наверняка способствовал богатый воинский опыт генерал-лейтенанта А.Я. Веденина, который прошел суровый ратный

путь отрядового Красной Армии в Гражданскую войну до командира стрелкового корпуса в Великую Отечественную. Во второй половине 50-х в Новой Купавне возводится учебный комплекс, позволивший перейти к круглогодичному циклу занятий в полевых условиях.

Одновременно происходили изменения в штатной структуре. 21 января 1956 г. в ОПСН сформирован Отдельный мотоциклетный взвод. Он обеспечивал эскорт кортежа автомобилей лидеров СССР и зарубежных стран во время торжественных мероприятий. В 1958 году оркестровый взвод ОПСН стал самостоятельным подразделением Комендатуры. В апреле 1959 г. для решения возросших задач

создается Отделение негласной охраны. Его сотрудники обеспечивали безопасность первых лиц государства и общественный порядок в Кремле, Александровском саду, а также на Красной площади.

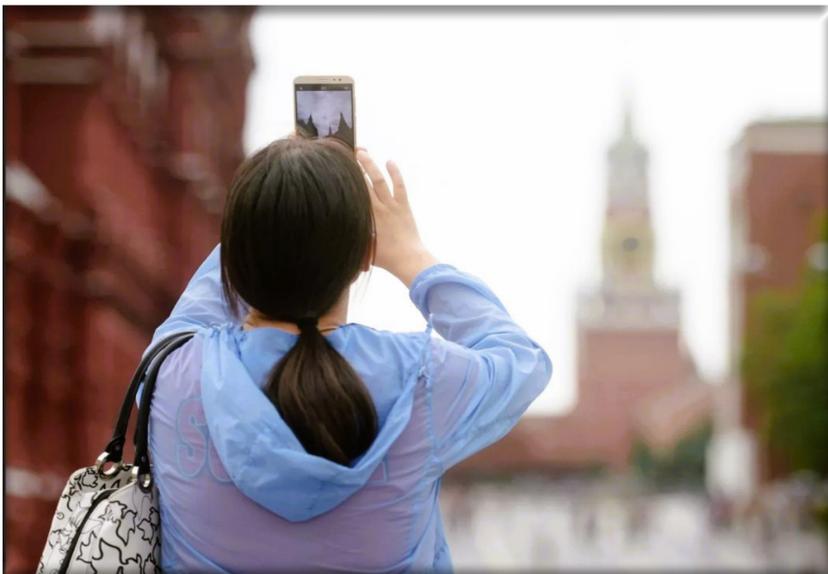
Далее наступили более серьезные преобразования. Летом 1959 г. по инициативе Н.С. Хрущева началась очередная реорганизация органов госбезопасности, затронувшая и 10-е управление. 25 июня 1959 г. оно вошло в состав 9-го управления КГБ на правах отдела. Так закончилось функционирование кремлевской комендатуры, как самостоятельной структуры госохраны. Генерал-лейтенант А.Я. Веденин стал заместителем начальника 9-го управления (эту должность он занимал до выхода в отставку в 1967 году).

Следом произошли изменения в гарнизоне Кремля. Отдельный военно-строительный батальон преобразуется в роту, которая в 1960 году входит в состав ОПСН. В 1961 году упраздняется батальонное звено в Отдельном полку специального назначения, где уменьшается и число рот (с тринадцати до девяти). 9 марта 1963 г. расформирован Отдельный офицерский батальон. Его функции перешли к Отделению негласной охраны.

7 мая 1965 г. Отдельный полк специального назначения награжден орденом Красного Знамени «За боевые заслуги в Великой Отечественной войне и достижение высоких показателей в боевой и политической подготовке». С тех пор день 7 мая стал годовым праздником полка.

Таким насыщенным и многогранным вошел в историю кремлевской охраны веденинский период (1953-1967). Он неотделим от времен «оттепели» - поворотной вехи в жизни главной цитадели страны. Комендатура адаптировалась к динамичным переменам. Ее сотрудники не только усовершенствовали систему безопасности своего объекта, но и внесли достойный вклад в культурное возрождение Московского Кремля. Вот уже семь десятилетий этот открытый миру символ России привлекает туристов со всей планеты и входит в число крупнейших музейных комплексов.

Николай Шефов

Туристка фотографирует Кремль в Москве. К. Каллиников. РИА Новости. 2017 г.

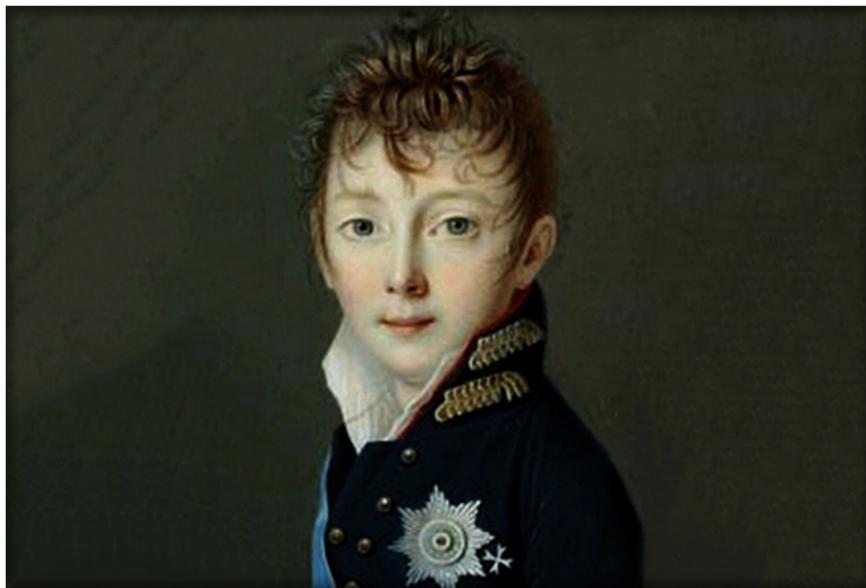
СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ I

Тридцатилетнее правление Николая I стало эпохой в истории России. Здоровье и энергия императора казались современникам несокрушимыми. Его называли «железным». Однако он был обычным человеком, и впечатление несокрушимости было результатом сознательных усилий по формированию того облика, которым, по глубокому убеждению Николая Павловича, должен обладать хозяин огромной империи.

Будущий император родился 25 июня 1796 г. в половине четвертого утра в Царскосельском дворце в покоях великого князя Павла Петровича. Об этом было сразу же доложено его царственной бабке, которая, увидев младенца, воскликнула: «Экий богатырь!». По сложившейся традиции с момента рождения к нему приставили английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек, или горничных, и двух камердинеров. Кормилицей

Николая стала крестьянка из Московской славянки, входившей в Красносельскую дворцовую волость, — Ефросинья Ершова. Этот штат прислуги должен был обеспечить благополучное взросление великого князя. В детстве Николай Павлович перенес обычные детские болячки, периодически «беспокоили его желчь и глисты», ему давали рвотное лекарство. Иногда «страдал запором и кашлем». Повзрослев, в 1818 г. Николай переболел корью.

Николай I в детстве

Воспитывали великого князя так, как было принято в то время. В основу педагогики было положено насилие. Брань, толчки, щипки были обычным делом. Воспитатель Николая Павловича – Матвей Иванович Ламсдорф – часто наказывал воспитанника линейкой и шомполами, а в ярости, случалось, ударял мальчика об стену. Не брезговал и розгами. М.И. Ламсдорф был определен на должность воспитателя по выбору императора Павла I и перед назначением являлся директором сухопутного шляхетского корпуса. Объясняя эти «педагогические приемы»,

один из мемуаристов писал: «Время было такое: били людей по убеждению, а не из злобы. Даже царственные лица не были от этого изъяты».

К началу своего царствования в конце 1825 г. 29-летний Николай Павлович был физически крепким человеком, скрывавшим за привычной маской невозмутимого спокойствия все свои проблемы. Один из мемуаристов описывал внешний облик императора следующим образом: «Высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный... Свежесть лица и все в нем выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью».

Это описание достаточно объективно. Царь действительно имел атлетическую фигуру. Надо заметить, что в мужской и женской моде того времени широко использовались корсеты. Так, в комедии Грибоедова «Горе от ума» скалозуб характеризуется как «хрипун», «удавленник», «фагот». Эти определения свидетельствуют не только о характере, но и о перетянутой талии. А.С. Пушкин употреблял выражение, безусловно, понятное современникам, – «гвардейцы затяжные». Кроме этого, мужчины, чтобы придать фигуре требуемые формы, использовали и вату. Николаю Павловичу в молодые го-

ды не было особой нужды прибегать к этим ухищрениям. Даже в начале 1849 г., когда Николаю Павловичу было уже 53 года и доверенный лейб-медик императора М. Мандт отпросился в длительный отпуск, а исполнять его обязанности был назначен выпускник Дерптского университета, врач конногвардейского полка Ф.Я. Карелль, тот был поражен сложением императора. С естественным чувством собственной значимости молодой доктор рассказывал знакомым «разные подробности из внутренней дворцовой жизни». Одну из этих подробностей приводит барон М.А. Корф в своих записках: «Карелль не мог довольно выразить удивления своего к атлетическому, необычному сложению его тела: «Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии и аускультации, я убедился, что все это свое, самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Апполоново-Геркулесовской!».

Действительно, Николай Павлович старался следить за собой. Он всю жизнь сохранял военную выправку. Был умерен в еде. В качестве своеобразного тренажера он использовал тяжелое ружье, с которым ежедневно проделывал различные упражнения. Более того, в это занятие он даже пытался втянуть свою жену, хрупкую императрицу Александру Федоровну. В 1850 г. 54-летний император говорил барону М.А. Корфу: «В чем я уверен – это в большей пользе для здоровья от деланья ружьем. Двадцать лет не проходило и дня, чтоб я не занимался этим движением, и в то время не знал ни завалов, ни прочих теперешних пакостей; я старался даже приучить к этому и жену, но, увы, все мои усилия кончались ничем».

Николай I был прекрасным кавалеристом и мог по восемь часов находиться в седле. Для него не проблемой было отправиться на обед из Красносельских лагерей в Александрию за 12 верст, а потом вернуться обратно в лагерь. Однако после 50 лет у него начал появляться «живот». Для того чтобы сохранить привычную стройность, Николай Павлович, видимо, использо-

«Портрет Николая I» В. Голике 1843 г.

вал бандаж. Из возрастных неприятностей императора можно упомянуть и о лысине, которая появилась где-то между 30 и 35 годами. Сравнительно раннее облысение, возможно, объяснялось влиянием наследственности.

Мемуаристы сохранили крайне редкие сведения о росте царя. Один из них приводит диалог между Николаем Павловичем и актером Василием Каратыгиным в ноябре 1838 г. после пьесы Н.А. Полевого «Дедушка русского флота»: «...к игравшему роль Петра I Василию Каратыгину подошел Николай Павлович с приветливыми словами. «Ты совершенный Петр Великий!» – сказал он, любуясь им. – «Нет, государь, он был выше меня: 2 аршина 14 вершков». – «А в тебе?» – «Двенадцать». Государь померился с ним. – «Все ты выше меня: во мне 10,5». Нетрудно посчитать, что в переводе на современную метрическую систему рост императора был 189 см (рост Петра I – 203,5 см).

Периодически Николай Павлович болел. Как обычный человек. Но прочная привычка переносить недомогания на ногах положила начало формированию мифа о «железном» здоровье императора. В постель доктора могли уложить царя только тогда, когда ему было действительно очень плохо. Так, в ночь с 9 на 10 ноября 1829 г. в Зимнем дворце Николай Павлович вышел

на шум внезапно упавшей вазы, поскользнулся на паркете и упал, ударившись головой о стоявший рядом шкаф. Он долгое время пролежал никем не замеченный на холодном полу и тяжело заболел. Его уложили в постель, в которой он провел две недели. Вероятно, это было воспаление легких.

Нежелание Николая I залеживаться в постели и «перемогаться» до последнего на ногах имело свое объяснение. Так, барон М.А. Корф упоминал, что в 1845 г. «государь говорил близким, что болезнь его непременно требовала бы лечь в постель. Но он не ложится единственно вследствие убеждения, что если ляжет раз, то наверное уже не встанет».

Примечательно, что для поддержания имиджа «железного монарха» Николай Павлович никогда не афишировал свои заболевания. Будь то большие или маленькие. Его дочь свидетельствует, что когда у императора начинались головные боли, то в его кабинет ставилась походная кровать, все штаны опускались, и он ложился, прикры-

тый только шинелью. При этом никто не смел войти в кабинет императора. Как правило, приступ длился «12 часов подряд». Когда боль проходила, «он вновь появлялся, только по его бледности видно было, как он страдал, т.к. жаловаться было не в его характере».

Следует заметить, что в эпистолярном наследии Николая Павловича и воспоминаниях мемуаристов рассеяно множество упоминаний о его недомоганиях. Совершенно очевидно, что он был, безусловно, здоровым человеком, но при этом периодически болел, как и все обычные люди. Поэтому широко распространенный миф о «железном здоровье» Николая I является результатом его сознательных усилий, вписывавшихся в общий «сценарий власти» этого харизматического императора.

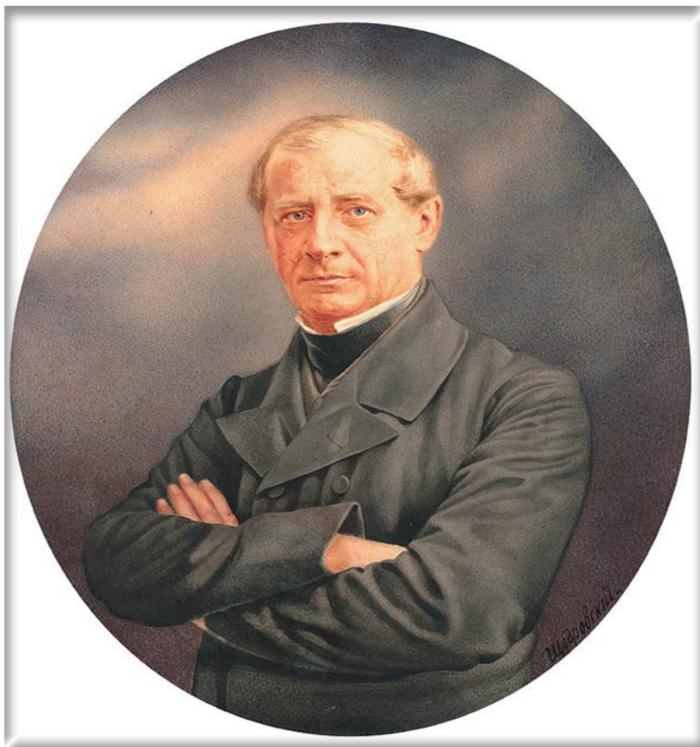
Только своим близким соратникам он мог сообщить (12 января 1833 г.), что «схватив простуду на маскараде 1-го числа, перебогался несколько дней, как вдруг сшибло меня с ног до такой степени, что два дня насилу отваяться мог».

Император Николай I со свитой. 1835 г.

Матвей Иванович Ламсдорф

Портрет Модеста Андреевича Корфа

В январе 1849 г. Николай Павлович вновь простудился на маскараде. Барон М.А. Корф, со слов лечащего врача Ф.Я. Карелля, писал: «Простуда сопровождалась обыкновенными его болями в правой половине головы и частою рвотою. Со всем тем, во всю свою болезнь, продолжавшуюся дней пять, Карелль, несмотря на жестокие страдания больного, никак не мог уговорить его лечь в постель. Лишенный возможности чем-нибудь заниматься, государь позволял себе ложиться только на диван. В шинели, всегда заменявшей ему халат, и в сапогах, которые вдобавок были еще со шпорами».

В 1844 г. Николай I посетил Англию. Внимательная королева Виктория отмечала, что царь страдал приливами и отливами крови к голове, связанными, как можно предположить, с перепадами кровяного давления. В 1847 г. в документах лечащих врачей также появляются упоминания о головокружениях и «приливах крови». По мнению современных исследователей, это, возможно, было проявлением вегетососудистой дистонии (нарушением мышечной регуляции сосудистой стенки). Кроме того, в связи с расстройством вестибулярного аппарата он плохо пе-

реносил медленную езду по ухабистым дорогам, у него начинались головокружения, а иногда и рвота. На море он страдал от морской болезни. В 1849 г., поскольку у него болела голова, ему ставили «рожки», то есть пиявки. Прибегал Николай Павлович и к методам «нетрадиционной медицины». Так, одна из придворных дам была известна умением заговора, или, по терминологии того времени, пользовалась «симпатическими средствами». Она успешно лечила рожу с помощью сухого платка или полотенца, взятого у больной особы. Мемуарист писал: «Этот платок Анна Николаевна «заговаривала», складывая какими-то мудреными складками в куколку, приказывала вытереть им больное место утром, вечером и опять утром и бросить в стирку... он (Николай Павлович) обтер им ногу три раза, и рожа сейчас же прошла. С тех пор Николай Павлович так глубоко уверовал в генеральшу Рускони, что, на моей уже памяти, у нас в розовом доме почти ни одного воскресенья не проходило, чтобы государь не прислал своего камердинера с просьбой к генеральше «заговорить» чей-нибудь платочек...». Периодически царь страдал запорами. Возможно, именно с этим была

связана его умеренность в еде. Начиная с середины 1840-х гг. царя начали беспокоить приступы подагры (отложение мочевой кислоты в суставных хрящах, приводящее затем к поражению костной ткани). В документах сведения о «болезненности и опухании суставов» зафиксированы с 1847 г. Серьезные приступы начались с 1849 г. Так, 18 октября 1849 г. Николай Павлович жаловался барону М.А. Корфу, что начинает чувствовать припадки подагры, прежде совершенно ему незнакомой, которая на днях ночью так ущинула его за ногу, что он, проснувшись, вскочил с постели. Хорошо информированный начальник штаба отдельного корпуса жандармов и одновременно управляющий III отделением Л.В. Дубельт записал в дневнике в январе 1854 г., что «его величество страдает ногою и лежит в постели. Мандт говорит, что у него рожа, а другие утверждают, что это подагра». Через неделю он отмечал, что болезнь пошла на убыль и царь уже прогуливается. В последние годы жизни царь, видимо, страдал остеохондрозом. У него периодически болела спина. В воспоминаниях фрейлины А.Ф. Тютчевой упоминается ее разговор с Николаем Павловичем, состоявшийся в декабре 1854 г.: «Он подошел ко мне и спросил, почему виду меня больной. Я ответила, что у меня болит спина. «У меня тоже, – сказал он, – для лечения я растираю себе спину льдом и советую вам делать то же».

Самую серьезную травму царь получил во время одной из своих многочисленных инспекционных поездок по России. В ночь с 25 на 26 августа 1836 г. по дороге из Пензы в Тамбов, в 14 верстах от небольшого городка Чембар (с 1946 г. – город Белинский Пензенской области) на спуске с горы против деревни Шалолетки ямщик, при свете луны не посчитав спуск крутым, не сдержал лошадей. На середине горы экипаж опрокинулся на бок, так что дремавший Николай Павлович вылетел из него, сильно ушибся и сломал левую ключицу. Ушиб был настолько силен, что некоторое время царь был без сознания. Шеф корпуса жандармов А.Х. Бенкендорф, сидевший по правую сторону от царя, отделался только ушибом. Больше всех пострадал камердинер, сидевший вместе с кучером на коз-

лах. Именно ему царь приказал оказать медицинскую помощь в первую очередь.

Поскольку сопровождавший в этой поездке Николая I лейб-медик Н.Ф. Арендт следовал позади императорского экипажа, отстав на целую станцию, то за медицинской помощью в Чембар был немедленно отправлен фореитор, который доставил уездного лекаря Ф. Цвернера. Именно он оказал царю первую медицинскую помощь, наложив на сломанную ключицу повязку. Через некоторое время рядом с царем оказался и лейб-медик Арендт. Он осмотрел сделанную перевязку и нашел ее безукоризненной. Затем он успокоил свиту, сказав, что опасности нет и осложнения болезни нельзя ожидать. Тем не менее Николаю Павловичу пришлось задержаться в Чембаре на две недели. Надо отдать должное корректности царя, поскольку, не желая обидеть Цвернера, именно ему он поручил контролировать ход выздоровления. Арендт только наблюдал за ходом лечения.

Подданные были проинформированы о произошедшем несчастном случае. В опубликованном бюллетене сообщалось: «При перевозке Государя императора оказалось, что ключевая кость переломлена вблизи грудной кости без всяких других повреждений. Перелом сей есть простой и несложный, и к скорому и совершенному выздоровлению Е.И.В. предвидится полная надежда. ...Лейб-медик Арендт, уездный врач Цвернер. 26 августа 1836 г. в 8 часов пополудни».

8 сентября 1836 г. царь покинул Чембар и через Тамбов, Козлов, Рязань прибыл в Москву, а затем возвратился в Царское Село. Врач Ф. Цвернер получил в подарок перстень ценою 2000 руб. и деньгами еще 3000 руб.

По письмам Николая I можно проследить даже динамику его выздоровления. Так, 30 августа 1836 г. в письме к И.Ф. Паскевичу из Чембара он сообщал: «Перелом ключицы мне никакой боли не производит; мучает же лишь одна тугая повязка». Приехав в царское село, он вел привычный образ жизни, не давая повода для пересудов, но соратнику писал (6 октября 1836 г.): «Прихожу в силы; рука еще слаба и с трудом сижу на лошади; ибо левой рукой не могу править, и на рысках плечу чувствитель-

Лейб-медик Н.Ф. Арендт

но». Даже через два месяца после перелома (3 ноября 1836 г.) он признал, что рука «еще слаба, и я ею мало владею». Следует упомянуть, что спустя 12 лет (9 октября 1848 г.) Николай I вновь травмировал эту же ключицу. Поднимаясь по лестнице в Зимнем дворце, «крепко навощенной», он поскользнулся и упал на то же самое плечо, в котором уже прежде была у него переломлена ключица: «Ушиб обошелся, однако, без дальнейших последствий, хотя государь и сказывал, что боль от него была в этот раз гораздо чувствительнее, чем тогда, когда он сломал себе ключицу».

Для Николая I был характерен четкий распорядок дня. Он рано вставал и перед началом рабочего дня в одиночестве гулял по набережной Невы. Это был не только отдых, но и необходимый для поддержания здоровья моцион. Барон М.А. Корф отмечал, что «император Николай Павлович, более в видах здоровья, чем для удовольствия, очень много хаживал пешком и во время длинных петербургских ночей прогуливался не только днем, но и прежде восхода солнца и по его заходе, притом не по одним улицам, но и по отдаленным частям города».

Уже в 9 часов утра царь начинал

принимать доклады. Из свидетельств современников нам известно, что Николай I не курил, не пил вина даже на официальных приемах, устраиваемых в его честь. Во время зарубежных поездок на приемах спиртное он просил заменять стаканом воды. При этом к употреблению спиртного окружающими, он был достаточно терпим, но курения в его присутствии Николай Павлович не переносил. В повседневной жизни царь был крайне, может быть даже подчеркнuto, неприязнителен. Он на всю жизнь сохранил любовь к щам, гречневой каше и протертому картофельному супу. Его дочь Ольга писала об отце: «Он любил спартанский образ жизни, спал на походной кровати с тюфяком из соломы, не знал ни халатов, ни ночных туфель и ел только раз в день понастоящему, запивая еду водой. Чай ему подавали в то время, как он одевался; когда же он приходил к Мама, ему подавали чашку кофе с молоком. Вечером, когда все ужинали, он опять пил чай и ел к нему иногда соленый огурец... Он не был игроком, не курил, не пил, не любил даже охоты...». Кстати, соленые огурцы были самой заметной для окружающих гастрономической слабостью царя. Ежедневно утром ему при-

носили пять соленых огурцов. Можно добавить, что царь никогда не спал днем, когда болел халата не носил, надевая старую шинель. Когда будучи в 1844 г. в Лондоне в Виндзорском замке он потребовал соорудить кровать с тюфяком, набитым соломой, это требование необыкновенно поразило придворных слуг, никогда не готовивших такие постели для коронованных особ.

Медики регулярно контролировали состояние здоровья императора. По воспоминаниям И. Соколова, который был ассистентом лейб-медика Н. Арендта, они «обязаны были являться к Государю к 7–8 часам утра, когда приготавливали чай или кофе, и в это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговор». Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что состояние здоровья императора Николая Павловича было достаточно хорошим, и при благоприятном стечении обстоятельств он мог бы прожить еще достаточно долго. Но обстоятельства сложились неблагоприятно. Поэтому внезапная смерть царя 18 февраля 1855 г., в разгар крымской войны, оказалась совершенно неожиданной не только для народа, но и для его ближайшего окружения. Все это породило устойчивую легенду о завуалированном самоубийстве императора.

Последняя болезнь и смерть Николая I

Поскольку о самоубийстве Николая I упоминается во множестве выходящих сегодня книг как о несомненном факте, у нас есть все основания привести собранные из архивных, мемуарных и других источников данные. Надо заметить, что версия о самоубийстве императора муссируется в мемуарных источниках, написанных и опубликованных спустя много лет после февраля 1855 г., при этом большинство из них издано после 1905 г., когда были сняты жесткие цензурные ограничения на информацию, касающуюся императорской фамилии. Мы располагаем сведениями, опубликованными в официальной печати, а также косвенными фактами, связанными с этими событиями. Тем не менее вопрос о смерти императора, видимо, останется одной из исторических тайн,

таких же, как смерть царевицы Дмитрия в Угличе в 1591 г., вокруг которой бесконечно будут продолжать ломать копья самые разные авторы. Приводя медицинские сведения, содержащиеся в официальных и мемуарных документах, автор предоставляет не только историкам, но и медикам возможность составить свое мнение о ходе болезни и причинах смерти императора Николая I.

События февраля 1855 г. зафиксированы во множестве мемуарных и официальных свидетельств. Их сопоставление позволяет выявить разноголосицу мнений и уточнить ряд весьма существенных деталей. Поскольку общество было взбудоражено внезапной смертью императора (18 февраля 1855 г.), то уже через несколько дней после его кончины, 24 февраля 1855 г., в петербургских газетах было опубликовано ее полухудожественное описание под заголовком «Последние минуты в Бозе почившего императора Николая Павловича». Официальная же версия событий февраля 1855 г., насыщенная медицинскими подробностями, была опубликована 26 февраля 1855 г. – «Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича». Собственно, из этих, безусловно, тщательно отредактированных источников мы можем узнать официальную версию и медицинские подробности, связанные с развитием болезни и смерти императора. Эти документы были составлены по распоряжению министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга литератором В.И. Панаевым. В основу официального сообщения были положены сведения, полученные «от доктора Мандта, который сидел в своей квартире в Зимнем дворце, не смея показаться на улице». Именно он предоставил медицинские сведения, объяснявшие широкой публике внезапную смерть царя. Ему помогал доктор цесаревича И. Енохин.

Недомогание императора началось еще в конце января 1855 г. впоследствии в газетных отчетах указывалась дата начала болезни – 27 января 1855 г. Эта дата зафиксирована в дневнике Л.В. Дубельта, который записал в день кончины императора: «27-го января он заболел гриппом, но продолжал по обыкновению неумолимо заниматься государственными делами». Таким

образом, поначалу речь шла об обычной простуде, которая в начале февраля переросла в «легкий грипп», причем отмечалось, что эпидемия гриппа затронула весь город. Необходимо подчеркнуть, что грипп в середине XIX в., при отсутствии антибиотиков, протекал тяжело, подчас перерастая в воспаление легких с последующим фатальным исходом.

Среди дневниковых записей, связанных со смертью царя, безусловный интерес представляет «Записка графа П.Д. Киселева о последних днях жизни и смерти Николая I», написанная в день смерти императора в феврале 1855 г. в ней указывается, что «31 января Государь кашлял изредка и жаловался на спинную боль». Но император продолжал заниматься делами. Болезнь проявлялась в том, что 4 февраля, ночью, он «почувствовал некоторое стеснение в груди, род отдышки. Исследование показало весьма сильный упадок деятельности в верхней доле левого легкого. Вместе с тем открыто, что нижняя доля правого легкого поражена гриппом. Лихорадки не было, а пульс совершенно натуральный. Государь оставался дома, соблюдая строгую диету. Вечером того дня дыхание сделалось гораздо свободнее; припадки, означавшие страдание оною, почти исчезли». Приведенные сведения, взятые из официальных источников, подтверждают то, что его основой были записи или рассказ о ходе болезни императора лейб-медика М.М. Мандта.

Болезнь, несмотря на усилия медиков, продолжала развиваться и, как следует из «Записки» П.Д. Киселева, «на другой день, т.е. во вторник 2 февраля он почувствовал усиление гриппа и поэтому не выходил из своего кабинета». 5 и 6 февраля 1855 г. «сказанный выше припадок в левом легком прошел совершенно; гриппный же кашель, с извержением мокроты, не прекращался». Император оставался дома, продолжая соблюдать строгую диету. В этом состоянии он находился и последующие дни – 7 и 8 февраля. С 8 февраля к наблюдению за больным, по просьбе М. Мандта, присоединяется еще один лейб-медик Ф.Я. Карелль. Таким образом, следуя официальной версии, здоровье царя пошло на поправку. 9 февраля 1855 г. император почув-

Граф П.Д. Киселев

ствовал себя настолько хорошо, что решил принять участие в смотре нескольких маршевых лейб-гвардейских батальонов, отправлявшихся в Крым. Деятельная натура императора, отсутствие привычки болеть и чувство долга заставляли Николая I пренебрегать своим здоровьем. В источниках единодушно подчеркивается, что медики упрасливали государя побережь свое здоровье и оставайся во дворце. В медицинских отчетах о болезни императора, появившихся во всех газетах 24 и 26 февраля 1855 г., отмечалось, что лейб-медик Ф.Я. Карелль активно убеждал больного остаться дома ввиду продолжавшейся болезни и сильного мороза (23 градуса), однако император не внял его советам, в результате по возвращении «стал кашлять еще сильнее, но кушал еще с большим аппетитом». Академик Е.В. Тарле уточняет, что по воспоминаниям современников царь, несмотря на мороз, приказал подать себе легкий плащ и в открытых санях поехал в Манеж. Л.В. Дубельт подтверждает официальные сведения, записав в дневнике: «Через несколько дней, 9-го февра-

ля, чувствуя себя лучше, вопреки советам докторов Мандта и Карелля, после обеда он выехал для осмотра батальонов лейб-гвардии измайловского и егерского полков. В результате чего кашель и одышка увеличились». По воспоминаниям Киселева, вернувшийся во дворец Николай I «почувствовал лихорадочный приступ, в ночь или на другой день, т.е. в Троицу он жаловался на тупую боль в боку ... кашлял и с трудом освободился от мокрот». Как пишет Е.В. Тарле, именно в этот день к вечеру в Зимнем дворце впервые распространяется слух о том, что у государя легкий грипп и врачи настаивают на необходимости отказаться от выездов из дворца.

10 февраля 1855 г. император Николай Павлович последний раз покинул Зимний дворец. Несмотря на ухудшение самочувствия, он вновь отправился на строевой смотр. В результате к концу дня при слабых «подагрических припадках» обнаружилась лихорадка. Несколько дней положение его здоровья изменялось то к худшему, то к лучшему. О неопределенности состояния здоровья императора говорит запись

П.Д. Киселева: «10-го числа оба (лейб-медики М.М. Мандт и Я.Ф. Карелль) мне сказали, что болезнь серьезная, но что прямой опасности нет».

11 февраля император собирался с утра быть у обедни, но медикам удалось настоять на постельном режиме и уложить царя в постель. Врачи отмечали озноб, а затем сильный лихорадочный жар. Вечером появилась испарина «и в течение ночи припадки уменьшились. Язык, однако, был нечист, и оказалась чувствительность в печени». В этот день министр императорского двора пытался убедить царя начать печатать медицинские бюллетени со сведениями о ходе его болезни, но император решительно запретил делать это, «не желая беспокоить подданных». Этот эпизод свидетельствует, что Николай I воспринимал свое недомогание как рядовую болезнь.

Начиная с 12 февраля, все мемуаристы отмечают начало обвального развития заболевания императора. Около обеда вновь начинается озноб, а затем «лихорадочный жар». Император впервые в течение всего дня оставался в постели. Медики отмечали, что «кашель и извержение мокроты были весьма умеренны. Вечером оказался пот, и как язык стал несколько чище, то по ходу болезни можно было ожидать простой перемежающейся лихорадки с желудочным расстройством».

В исторической литературе подчеркивается, что фатальным в развитии болезни императора, ставшим последней каплей, было известие о неудаче русских войск в «деле под Евпаторией» в ходе Крымской войны (1853–1856 гг.). Царь буквально жил от курьера к курьеру и тяжело переживал неудачи русской армии в Крыму. В медицинских документах упоминалось, что известие об очередном поражении русских войск привело к усилению лихорадки. Несмотря на предпринятые врачами меры, Николай Павлович был уже не в состоянии справляться с обычным объемом дел, и с 12 февраля цесаревич Александр Николаевич часть их взял на себя, в том числе написал два письма. В первом из них, к главнокомандующему Крымской армией, он извещал его о болезни царя: «Государь, чувствуя себя не совершенно здоровым, приказал мне, любезный князь, ответить вам его именем». Об

Лейб-медик Ф.Я. Карелль

этом же пишет Л.В. Дубельт: «...только 12 числа, по настоянию врачей, решил-ся предоставить труд сей цесаревичу». Можно предположить, что именно в этот и последующие дни у императора начали вырваться мысли, связанные с поисками выхода из сложившегося тупикового политического положения. Военное поражение России становилось фактом, и таким же фактом для Николая I была невозможность поставить свою подпись под документами, фиксирующими поражение России. Среди разноречивых версий и слухов, связанных со смертью царя, необходимо отметить единство мнений как мемуаристов, так и историков о том, что смерть императора была, безусловно, связана с уже определенным поражением России в ходе Крымской войны. Нет никакого сомнения, что это военное поражение ускорило, если не предопределило смерть царя. «Факт был несомненный: Николай Павлович умирал от горя и именно от русского горя. Это умирание не имело признаков физической болезни, — она пришла только в последнюю минуту, — но умирание происходило в виде

несомненного преобладания душевных страданий над его физическим существом», — писал князь В.П. Мещерский. 13 и 14 февраля 1855 г. лихорадка продолжалась. Император почти не спал, однако «язык сделался чище и оставался все влажным; причем явился аппетит выкушать слабого чаю. Ни малейшей головной боли, как и прежде, не было, чувствительность в печени исчезла». 15 февраля: «...извержение грудных мокрот оказалось смешанным несколько с кровью, но совершенно свободное, а нижняя доля правого легкого — более страдающая. Вечером его величество жаловался на подагрическую боль в большом пальце на ноге; язык был влажен, но чище; голова все свежа и без боли». 16 февраля медики отметили жалобы больного на сильную боль в «задних реберных мускулах, с правой стороны». Отхаркивание «мокрот» было обильным, и они были бурого цвета. Лихорадка была умеренной, и ночь император провел почти спокойно. К вечеру боли в спине стихли, «но нижняя доля правого легкого оставалась за-

метно пораженной; появилось биение сердца, какое и прежде бывало у его величества; пульс мягкий и неполный». В этот день к вечеру, по данным, опубликованным в «описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича» от 26 февраля 1855 г., упоминается о том, что без ведома царя, но с разрешения «высочайшей фамилии для Августейших Членов оной и особ, приехавших во дворец, составлялись в приемной комнате краткие записки о том, как проводимы были им ночи».

С 17 февраля лихорадка усилилась, «отделение мокрот из нижней доли пораженного правого легкого сделалось труднее». В этот день для медиков, как следует из официальных документов, стала очевидной вероятность смерти императора. В медицинском отчете записано: «Ночь беспокойная, цвет мокроты более желтый: накануне и в этот день желудок был совершенно свободный; язык все еще влажный; по краям и на конце красный». Утром у Николая Павловича начался «легкий бред, о коем сохраняя, однако же, сознание. К полудню Августейший больной внезапно почувствовал сильное колотье в левой стороне груди, в том месте, где лежит сердце. Через два часа этот сильный припадок прошел, но лихорадочный жар усилился; стала чаще являться склонность к бреду, которую его величество все еще мог преодолевать; кожа сухая; извержение грудной слизи желто-бурое, обильное и с большим усилием; пульс оставался неправильным, впрочем, мягким и неполным».

В этот день к лечащим врачам М.М. Мандту и Ф.Я. Кареллю присоединился лечащий врач цесаревича И. Енохин. Официальный биограф Александра II С. Татищев упоминал о том, что медики сообщили цесаревичу о возможности «паралича сердца». 17 февраля Л.В. Дубельт записал в дневнике: «Разнесся смутный слух о болезни Государя императора и произвел всеобщее, как видно, и искреннее прискорбное впечатление».

Характерно, что только после резкого ухудшения состояния здоровья царя ближайшее окружение отреагировало на эти сведения, как на серьезную проблему. Инерция общественного сознания, связанная с восприятием

Николая I как необычайно физически крепкого человека, была так велика, что все предшествующие недомогания были фактически не замечены даже ближайшим окружением императора. Осознав всю тяжесть ситуации, фрейлина А. Блудова писала Мандту, который, оставив вместо себя Карелля, отдыхал: «Настаивайте непременно на приобретении Св. тайн. Вы не знаете, какую придадут у нас этому важность и какое ужасное впечатление произвело бы на всех неисполнение этого долга. Вы иностранец, — и вся ответственность падет на вас».

С 17 февраля 1855 г. цесаревичем было принято решение об издании бюллетеней с информацией о состоянии здоровья Николая I, за подписями ближайших медиков М. Мандта, И. Енохина, Ф. Карелля. Всего было опубликовано четыре бюллетеня, все — в «Санкт-Петербургских ведомостях», а для ближайшего окружения листки с текстами бюллетеней оперативно вывешивались во дворце. При этом текст первого бюллетеня был опубликован в газете только 18 февраля, а все остальные вышли уже после смерти царя.

В первом из них, вывешенном во дворце около 16 часов 17 февраля, фиксировалось, что «Болезнь его императорского величества началась легким гриппом; с 10-го же февраля, при слабых подагрических припадках, обнаружилась лихорадка. Вчера, с появлением страдания в правом легком, лихорадка была довольно сильна, и извержение легочной мокроты свободнее». Второй бюллетень вышел в 23 часа этого же дня: «Лихорадка Его Величества к вечеру усилилась. Отделение мокроты от нижней доли пораженного правого легкого сделалось труднее». Третий бюллетень датирован 4 часами пополудни 18 февраля: «Затруднительное отделение мокрот, коим страдал вчера Государь император, усилилось, что доказывает ослабевающую деятельность легких и делает состояние его величества весьма опасным». Четвертый бюллетень был составлен в 9 часов утра 18 февраля, то есть за три часа двадцать минут до момента смерти царя: «Угрожающее его величеству параличное состояние легких продолжается, и вместе с тем происходящая от того опасность».

Мемуаристы оставили подробные записи событий этого дня. Особо значимы записи, сделанные непосредственно по следам событий. Например, А.Ф. Тютчева 19 февраля 1855 г., на следующий день после смерти императора, записала в дневнике: «17 февраля я по своему обыкновению к 9 часам утра спустилась к цесаревне, чтобы присутствовать на сеансе пассивной гимнастики, которой она ежедневно занималась с Derond. Я застала ее очень озабоченной — император неделю как болен гриппом, не представлявшим вначале никаких серьезных симптомов; но, чувствуя себя уже нездоровым, вопреки совету доктора Мандта настоял на том, чтобы поехать в манеж произвести смотр полку, отъезжавшему на войну, и проститься с ним. Мандт сказал ему: «Ваше величество, мой долг предупредить Вас, что Вы очень сильно рискуете, подвергая себя холоду в том состоянии, в каком находятся ваши легкие». «Дорогой Мандт, — возразил государь, — вы исполнили ваш долг, предупредив меня, а я исполню свой и прошусь с этими доблестными солдатами, которые уезжают, чтобы защитить нас». Он отправился в манеж и, вернувшись оттуда, слег. До сих пор болезнь государя держали в тайне. До 17-го даже петербургское общество ничего о ней не знало, а во дворце ею были мало обеспокоены, считая лишь легким нездоровьем. Поэтому беспокойство великой княгини удивило меня. Она мне сказала, что уже накануне Мандт объявил положение императора серьезным. В эту минуту вошел цесаревич и сказал великой княгине, что доктор Карель сильно встревожен, Мандт же наоборот, не допускает непосредственной опасности. «Тем не менее, — добавил великий князь, — нужно будет позаботиться об опубликовании бюллетеней, чтобы публика была осведомлена о положении».

В тот же день около 22 часов А.Ф. Тютчева узнала от камеристки, что «состояние здоровья императора, по-видимому, ухудшилось, что цесаревна, вернувшись от него, удалась в свой кабинет и что великая княгиня Мария Николаевна, которая проводит ночь при отце, каждый час присылает бюллетени о здоровье императора». Говоря о медицинском диагнозе

А.Ф. Тютчева упоминала, что Мандт говорил о «поднимающейся подагре, воспалении в легком». «Когда ходили узнавать об августейшем больном, получали ответ «все в одном положении», — бюллетеней не было». Окружающие пытались расспрашивать медиков, но те отделялись ничего не значащими объяснениями: «Отчего Мандт нас обманывал в эту минуту, один бог ведает. Мы в ужасном состоянии видим и чувствуем, что этот страшный человек нам нагло говорит неправду». К вечеру 17 февраля ситуация настолько осложнилась, что по слухам, циркулирующим по дворцу, «подагра поднималась, паралич легких был неминуем».

Окончательно ситуация определилась в ночь с 17 на 18 февраля 1855 г. из медицинского отчета следует, что «в три часа ночи на 18 февраля, при сделанном исследовании, впервые оказались в нижней доле правого легкого явные признаки начинавшегося паралича. Извержение мокроты за несколько уже перед тем часов сделалось гораздо затруднительнее; большой палец на ноге оставался по-прежнему нечувствителен, а кожа сухою. Появление этих опасных признаков возвестило безнадёжность положения государя. Между тем, головной боли и никаких нервических припадков вовсе не было; сознание совершенно ясное; даже дыхание

Фрейлина А.Ф. Тютчева

Император Николай I благословляет своего сына Александра Николаевича на царство. 18 февраля 1855 г.

меньше затруднительное, хотя развитие паралича в легких, по направлению снизу вверх, продолжало распространяться». Л.В. Дубельт записал в этот день: «Государь император не лучше, болезнь его приняла опасный оборот».

Граф П.Д. Киселев в «Записке» писал, что накануне он «поехал во дворец, дабы от камердинера узнать о состоянии его величества... Государь очень жалуется на боль в боку – худо почивал – много кашлял – а теперь успокоился. На другой день, т.е. в пятницу, я послал во Дворец за бюллетенем – мне привезли копию под № 3, который изумил меня и растревожил – я немедленно отправился во Дворец, где в нижнем коридоре и впереди камердинерской нашел... несколько военных и гражданских сановников... что Государь находится в безнадежном состоянии – что он исповедовался и приобщился. Призвал дочерей и внуков, простился с императрицей».

При чтении мемуаров обращает на себя внимание как разноголосица в определении диагноза, приведшего к смерти императора, так и законченность литературности диалогов М.М. Мандта и Николая Павловича. Сквозь эти диалоги просматривается либо необычайная хладнокровность царя перед лицом смерти, либо тщательная литературная обработка этих диалогов, ориентированная на потомков. Вероятно, учитывая характер Николая I, присутствовало

и то и другое. В эту ночь при умирающем императоре остались только императрица, цесаревич и Мандт. Мемуаристы в один голос утверждали, что сознание ни на минуту не покидало умирающего царя А.Ф. Тютчева писала, что до часа ночи того дня, когда скончался царь, он не сознавал опасности и так же, как и все окружающие, смотрел на свою болезнь как на преходящее нездоровье.

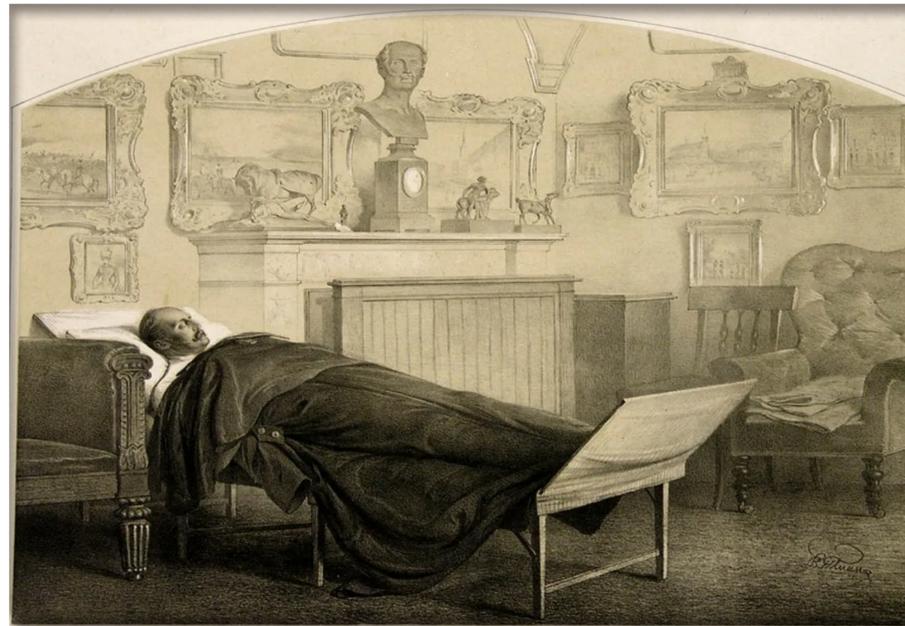
Достоверность диалогов царя и М. Мандта подтверждается дневниковой записью от 18 февраля 1855 г. Л.В. Дубельта. Следует подчеркнуть, что Леонтий Васильевич Дубельт с 1839 г. занимал должность начальника штаба отдельного корпуса жандармов, одновременно являясь управляющим III отделением. Весьма информированный по своему служебному положению Л.В. Дубельт записал в дневнике: «около трех часов ночи Государь спросил доктора Мандта: «скажите мне откровенно, какая у меня болезнь? Вы знаете, что и прежде я всегда вам приказывал предупреждать меня вовремя, если заболело тяжело, чтоб не упустить исполнения христианского долга». – «Не могу скрыть перед Вашим Величеством, что болезнь Ваша становится серьезною; у Вас поражено правое легкое». – «Вы хотите сказать, что ему угрожает паралич?» – «Если болезнь не уступит нашим усилиям, то, конечно, это может последовать; но мы того еще не видим и

не теряем надежды на Ваше выздоровление». – «А, теперь я понимаю мое положение, теперь я знаю, что мне делать». Отпустив доктора, Государь позвал наследника и спокойно сообщил ему о безнадежности своего положения».

Характер записей говорит о том, что даже шеф жандармов не располагал четкой картиной болезни, приведшей к смерти царя. Вся ситуация восстанавливалась уже после его кончины. Приведенные диалоги и медицинские термины говорят о том, что Л.В. Дубельт эти сведения получил от медиков непосредственно в день смерти императора. Видимо, это было связано с готовившимся к печати отчетом о ходе болезни. Вновь следует отметить, что заболевание царя не воспринималось всерьез даже в самом ближайшем окружении Николая I. Окончательный прогноз развития болезни был определен в 3 часа ночи 18 февраля 1855 г.

Приведенные выше диалоги с небольшими изменениями были напечатаны в официальном издании «Последние часы жизни императора Николая первого». О смерти царя сообщалось: «В два часа ночи лейб-медик, которого покойный государь удостоивал особой доверенности, потеряв надежду даже и на кратковременное продолжение жизни больного... решился объявить всю истину Самому умирающему... Что вы нашли во мне своим стетоскопом? Каверны? – Нет, отвечал лейб-медик; но начало паралича в легких». Об этом же эпизоде упоминает и А.Ф. Тютчева, также называя время 2 часа ночи: «Мандт приложил стетоскоп к его груди и стал выслушивать. – Плохо, Ваше Величество, – сказал врач. – В чем же дело, – спросил государь, – образовалась новая каверна? – Хуже, Ваше Величество. – Что же? – Начинается паралич. – Так это смерть? – Мандт рассказывает, что несколько мгновений он не мог произнести ни слова, потом сказал: Ваше Величество, вы имеете перед собой несколько часов». Впоследствии фрейлина уточнила, что большинство подробностей, связанных со смертью царя, она «узнала от самой цесаревны».

18 февраля, к четырем часам утра, когда стало ясно, что надежды на выздоровление нет, Николай I исповедался и причастился Святых Тайн «в

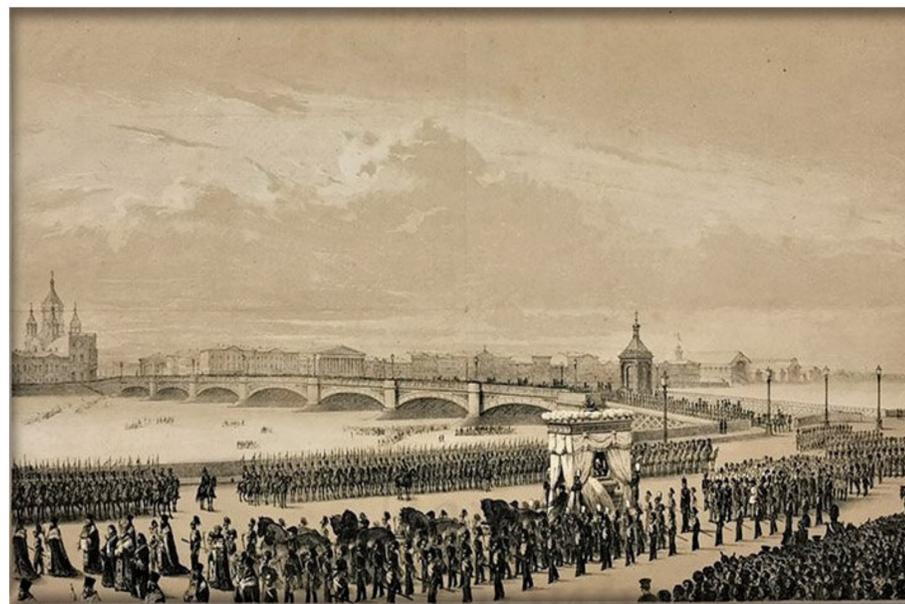

Император Николай I на смертном одре. Василий Тимм 1855 г.

полном присутствии духа». Затем в пять часов утра император сам продиктовал депешу в Москву, в которой сообщил, что умирает, и простился с древней столицей. Утром состояние царя продолжало ухудшаться. «Наступил паралич легких, и, по мере того как он усиливался, дыхание становилось более стесненным и более хриплым. Император спросил Мандта: «Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?». Затем он прибавил: «Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать».

Очевидцы в один голос утверждают, что агония царя была очень мучительной. Как писал Е.В. Тарле: «...Весь дворец знал, что агония была долгой и очень мучительной». А между тем в официальной версии указывалось, что кончина была спокойной и безболезненной. Таким образом, даже характер смерти и агонии императора стал для современников и историков неким политическим итогом царствования Николая I.

В 8 часов утра начали читать отходную над императором. В 10 часов Николай Павлович потерял спо-

Похороны Николая I, литография 1855 г.

собность речи. 18 февраля 1855 г. в 20 минут пополудни император Николай Павлович умер. Л.В. Дубельт записал в дневнике: «...затруднительное отделение мокрот усилилось, что доказывало ослабевающую деятельность легких и сделало состояние его весьма опасным, а в половине первого часа дня Его Величество скончался».

Официальный медицинский диагноз смерти императора Николая Павловича – «паралич легких». В мемуарной и исторической литературе подчас встречаются упоминания о других диагнозах, связанных со смертью императора. Например, биограф Александра II В. Николаев в своей малодостоверной книге упоминает, что «в заключении придворных медиков официально было сказано, что царь умер от апоплексического удара». После смерти Николая I при вскрытии у него оказалась одна редкая анатомическая аномалия: вместо двух почек – одна, но весьма большая. Она хранилась затем в Медико-хирургической академии.

То, как умирал император Николай Павлович, действительно заслуживает уважения. Он простился со всеми. Призвав внука, сказал ему: «Учись умирать». Его слова не расходились с его делами. Незадолго до смерти в одном из разговоров он обронил: «Я должен служить во всем по порядку. А уж если стану дряхл, так уж в чистую отставку пойду... Если не гожеусь на службу, – уйду, а пока есть сила, буду перемогаться до конца». Он сам назначил зал в Зимнем дворце, где должно было находиться его тело до перенесения в петропавловскую крепость, он сам определил себе место захоронения и просил, чтобы похоронные церемонии были как можно скромней, а траур самый короткий.

21 февраля 1855 г. тело Николая Павловича после бальзамирования уложили в одной из парадных зал Зимнего дворца, подъезды которого были открыты, чтобы все желающие могли попрощаться с царем. 24 февраля тело перенесли в Петропавловский собор, и 5 марта 1855 г. в 11 часов утра был совершен обряд погребения.

МУЗЕЙ «КАБИНЕТ И КВАРТИРА В.И. ЛЕНИНА В КРЕМЛЕ»

Фактическая дата открытия кабинета В.И. Ленина, как музейно-мемориального и экскурсионного объекта, относится к первым дням после его смерти. Так, по воспоминаниям секретаря Совнаркома Л.А. Фотиевой известно, что еще «24 февраля 1924 года в кабинете В.И. Ленина первыми в качестве экскурсантов побывали студенты коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. Организация экскурсий проводилась с согласия членов семьи Ленина – его супруги Н.К. Крупской и младшей сестры М.И. Ульяновой, у которых тогда имелись ключи от кабинета В.И. Ленина».

В квартиру В.И. Ленина и его семьи в тот период доступ экскурсантов не осуществлялся, так как там проживали члены семьи Владимира Ильича. Ими же осуществлялось наблюдение за состоянием ленинского рабочего кабинета. В ноябре 1933 года сотрудниками комендатуры Московского Кремля была проведена полная проверка состояния подлинных предметов кабинета В.И. Ленина в Кремле. Повторную проверку в кабинете В.И. Ленина провели в начале 1939 года после кончины супруги Ленина – Н.К. Крупской. 3 августа 1939 года. Комиссия комендатуры Московского Кремля составила специальный акт о том, что была

произведена проверка наличия всех вещей, предметов и их расположения в рабочем кабинете В.И. Ленина (и их соответствие акту комиссии 1933 года). Во время Великой Отечественной войны все мемориальные предметы, находящиеся в кабинете В.И. Ленина в Кремле (кроме книжного и журнального фондов) были упакованы в 9 ящиков и подготовлены к эвакуации. Однако, согласно акту комиссии Комендатуры Московского Кремля от 7 мая 1942 года, все предметы, находящиеся в кабинете В.И. Ленина в Кремле не были эвакуированы и бережно хранились в специально подготовленных упаковочных ящиках в здании Рабоче-крестьянского

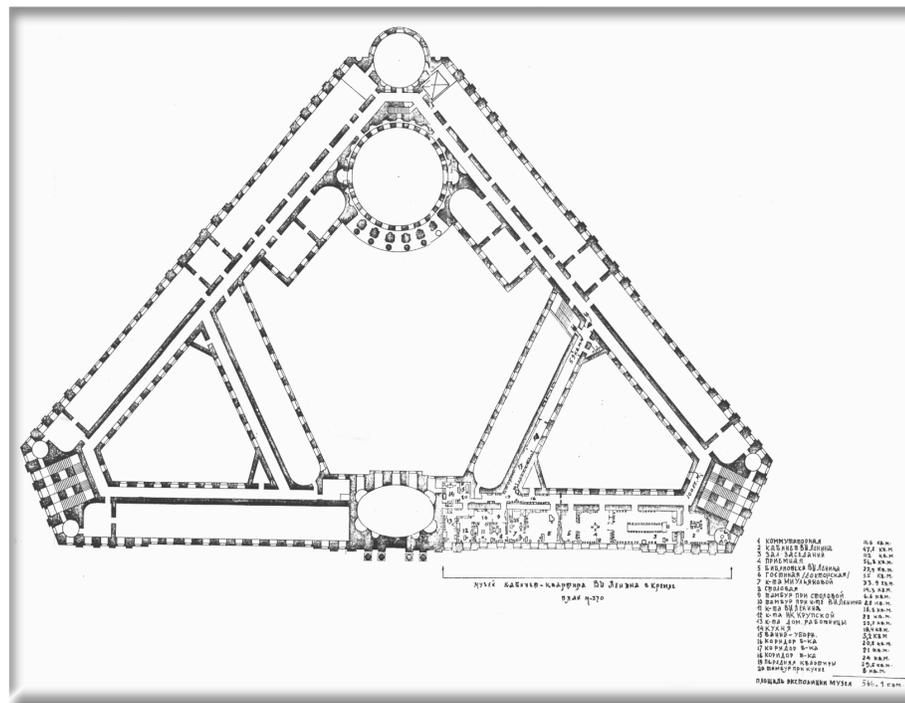

Здание Рабоче-крестьянского правительства в Кремле. 1918 г.

правительства в Кремле (в настоящее время это здание Кремлевского Сената).

По устному указанию Н.С. Хрущева в 1953 году принимается решение о подготовке к открытию мемориального музея В.И. Ленина в Кремле, который должен был включить в себя не только ленинский кабинет и его библиоте-

ку, но и квартиру Ленина и его семьи. Под руководством коменданта Московского Кремля генерал-лейтенанта А.Я. Веденина, началась работа по подготовке организации музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле». Для создания нового музея, 30 октября 1953 года комендатурой Кремля был

План Кремлевского Сената. Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле

направлен мотивированный запрос Управляющему делами Совета Министров СССР А.В. Коробову «Об освобождении квартиры В.И. Ленина, как служебного помещения Управления делами Совета Министров СССР». Квартира В.И. Ленина была полностью освобождена УД СМ СССР в сентябре 1954 года. 20 октября 1954 года были начаты работы по организации ленинского музея. Были предприняты меры по обеспечению сохранности и реставрации мемориальных мебели, вещей, предметов, мелкой пластики, альбомов, книг и журналов, принадлежащих музею «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле».

После открытия 17 апреля 1955 года кабинета и квартиры В.И. Ленина в Кремле интерес к этому памятному историческому месту, естественно, неизмеримо возрос. Следует отметить, что на момент открытия мемориального музея В.И. Ленина, в его экспозицию входили следующие мемориальные помещения. А именно: Рабочий кабинет В.И. Ленина - Председателя Совета Народных Комиссаров и Совета труда и обороны РСФСР и СССР (в 1918-1924 годах), комната с обширной ленинской библиотекой, квартира и коридор семьи Ульянова-Ленина (в 1918-1939 годах), состоящая из жилых комнат квартиры В.И. Ленина (до 1924 года), М.И. Ульяновой (до 1937 года), Н.К. Крупской (до 1939 года), а также столовая, гостиная и кухня. Впрочем, часть помещений к открытию музея не были подготовлены и оборудованы для посещения экскурсантов музея в более поздние сроки, о чем будет сказано ниже.

Предполагалось, что музей, находящийся в здании Правительства СССР в Кремле, будет работать только в выходные дни и его станут обслуживать три - четыре экскурсовода из музея Государственная оружейная палата (в тот период кремлевские музеи были структурным подразделением – гражданским отделом комендатуры Московского Кремля). Однако, огромный интерес к мемориальному музею, с первых дней его открытия, потребовали от коменданта Московского Кремля решить вопрос о создании отдельного штата сотрудников музея и увеличить его посещаемость до 6 дней в неделю.

Кабинет В.И. Ленина в Кремле. Общий вид

Зал заседаний правительства в здании Кремлевского Сената

Кухня

Шкаф для посуды на Ленинской кухне

В 1958 году была дополнительно расширена экспозиция музея: в нее были включены бывший зал заседаний Правительства РСФСР и СССР и Политбюро (Президиума) Центрального комитета КПСС в 1918-1958 годах, верхний кремлевский коммутатор при Председателе Совнаркома в период 1918-1924 годов, помещение личной ленинской библиотеки 1918-1924 годов.

В приемной зала заседаний Правительства и Политбюро в 1918-1958 годах все время существования музея (с 1958 по 1993 годы) находилась комната для экскурсоводов музея. А в 1980 году

к комнатам ленинской квартиры была присоединена и гостиная его квартиры. Отдельно стоит отметить, что вне экспозиции музея существовали с 1922 по 1993 годы построенная для В.И. Ленина обширная веранда на крыше здания советского Правительства и мемориальный электрический лифт, который мог поднимать парализованного вождя из его квартиры на веранду. Ленин пользовался этой верандой всего несколько раз, пока находился в Московском Кремле. В последние месяцы жизни он практически неотлучно проживал на государственной даче в усадьбе Рей-

нбогов, известной сегодня как «Горки Ленинские» или если говорить официально в Государственном историческом музее-заповеднике «Горки Ленинские».

Общая площадь музея под экспозицией доступной посетителям составляла более 631 квадратного метра. В состав музея также входили прихожая и коридоры квартиры, где находилась библиотека Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой (1918 – 1939 годы). В итоге, в экспозицию вошла подлинная обстановка кабинета, мемориальные комнаты квартиры Ленина и его семьи, личные вещи В.И. Ленина, его семьи, большая часть

которых была приобретена или получена уже после переезда советского правительства в Москву. Таких предметов в экспозиции было 1827 единиц хранения.

Всего в библиотеке В.И. Ленина было 10601 экземпляров книг и журналов. В музее экспонировалась 2300 книг, непосредственно в кабинете и комнате В.И. Ленина. Это художественная, справочная и энциклопедическая ли-

тература, книги на иностранных языках, зарубежные издания, в том числе и антисоветская, в том числе белогвардейская. Основная библиотека, состоящая из 88 разделов, находилась в комнате, которая была рядом с квартирой. Обращают на себя внимание разделы по истории, экономике, философии, социологии, народному хозяйству, научной организации труда и т.д. В библиотеке Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой, которую они собирали с 1918 по 1939 годы, накопилось 28736 экземпляров. В том числе книг и альбомов – 18686, журналов – 10050. Таким образом, мемориальная коллекция ленинского музея, вместе с альбомами, книгами и журналами, составляла более 40 тысяч единиц хранения.

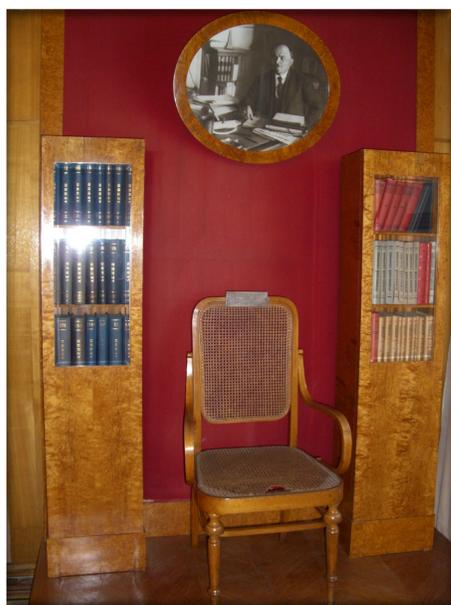
Несмотря на небольшой штат сотрудников и достаточно жесткие режимные ограничения в организации посещения музея, находящегося в действующем правительственном здании, с апреля 1955 года по 1993 год музей посетили практически все официальные государственные и правительственные делегации, приезжающие в Москву. Здесь побывали более 2 миллионов граждан Советского Союза и России, представители 110 стран мира.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 мая 1994 года № 651-р музей «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле» был временно переведен в Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские» на период ремонта и реставрации корпуса № 1 Московского Кремля (здание Кремлевского сената) – с 1992 года здание официальной резиденции Президента Российской Федерации.

В начале 1994 года началась перевозка мемориальных предметов, скульптур, альбомов, книг, журналов в Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские».

9 сентября 1994 года, все музейные ценности по описям № 1 и № 2, хранящиеся в музее «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле», были переданы за подписью заместителя коменданта Московского Кремля В.П. Горелова и хранителя фондов мемориального музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле» С.В. Девятова в Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские», где они и экспонируются до настоящего времени.

Сергей Девятов

Мемориальный Ленинский уголок в зале заседаний правительства

Комната Ульяновой М.И.

Комната Крупской Н.К.

Столовая